

Наталья Калинина

Малышковый запах надежды

роман

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление серии *Е. Анисиной*

Иллюстрация на обложке *О. Исаевой*

Калинина, Наталья Дмитриевна.

К17 **Малиновый запах надежды** : роман / Наталья Калинина. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Мистический узор судьбы. Романы Натальи Калининой).

ISBN 978-5-699-90519-5

Жизнь Саши течет по обычному руслу. Дом – работа, работа – дом. Но все меняется, когда на ее пути появляется незнакомец, так похожий на человека, которого она когда-то любила. Чтобы разобраться в себе и разорвать сплетающуюся вокруг нее паутину ужаса, девушка вынуждена совершить путешествие в собственное прошлое и встретиться с самой смертью.

Найдется ли в сердце место надежде, когда пробил час и уже почти не осталось ни веры, ни любви?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Н., 2016
© Исаева О., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90519-5

I

Лелик был, как обычно, пунктуален: ровно в шесть вечера его понтовый джип, прозванный мной монстром, уже караулил меня во дворе офисного здания. И сам хозяин джипа, обнимаясь с букетом непременно бордовых роз (какая банальность!), терпеливо ожидал в пропахшем туалетной водой салоне. Пунктуальность, розы, прозвище Мартышка, туалетная вода, робкий поцелуй в щеку при встрече — это Лелик за мной ухаживал. Я тоже была в своем репертуаре — опоздавшая, чуть насмешливая и чуть капризная.

— Опять розы, Лелик! Ну, хоть бы раз ради разнообразия кактусы подарил! — засмеялась я, небрежно бросая «королевский» букет на заднее сиденье машины.

Мой спутник, не оценив иронии, растерянно захлопал ресницами. «А розы чем хуже?..» — так и читалось на его круглой физиономии. «Обыденностью и шаблонностью!» — ответил ему мой смеющийся взгляд.

— Будут тебе кактусы, Мартышка. Когда-нибудь... — вздохнул Лелик и завел двигатель.

«Монстр» с удивительной для его габаритов поворотливостью вырулил из узкого двора на шоссе.

Лелик был Леликом только для меня. Для всех остальных он оставался Леней, Леонидом или Леонидом Николаевичем. А «Лелик» — это моя месть за «Мартышку». Впрочем, новое имя Леонид Николаевич Туманов принял почти с детским восторгом, видимо, посчитал, что подобные прозвища сближают. Ох, надеялся, надеялся Леонид Николаевич, даже несмотря на мое категоричное заявление два месяца назад: «Лелик, между нами возможны лишь дружеские отношения, и точка!»

— Ты сегодня очень красивая! — сказал он, как обычно.

Я приподняла одну бровь, выражая этим не столько сомнения по поводу комплимента, сколько то, что считала начало разговора избитым.

— Стараюсь, — ответила ему и картинным жестом завела длинную асимметричную челку за ухо.

— Что нового на работе?

— Да так... — пожала я плечами. — Ничего. Пик спроса на путевки прошел, дела понемногу идут на спад. Сезонная закономерность!

— А как же бархатный сезон? — с удивлением спросил Лелик. — Люди ведь продолжают ездить на отдых!

— Продолжают, но уже не так массово, как в июле — августе. Вот за что я разлюбила лето! Все отправляются на курорты, а ты пашешь как про-

клятая в три силы, обеспечиваешь чужой от-
дых.

Я работала менеджером в турагентстве и, не-
смотря на несерьезные стенания, работой своей
была довольна. Настолько, что, увлекшись, ино-
гда могла рассказывать о ней часами. Лелик знал
это, а потому поспешно перевел разговор, не дав
теме из маленькой искорки разгореться до боль-
шого пламени:

— Куда поедем?

— Ужинать! Куда — мне все равно. Лишь бы
вкусно и быстро, — торопливо попросила я и
мысленно помолилась небесам, чтобы Лелику не
взбрело в голову отвезти меня в какой-нибудь эк-
зотический ресторан. Мне хотелось нормальной
еды.

Леонид был консервативен, предсказуем и ба-
нален во всех проявлениях жизни, но только не
в выборе еды и ресторанов. Покушать он лю-
бил — об этом простодушно ведало наметившее-
ся брюшко, которое Лелик умело маскировал
под ладно скроенными пиджаками, на скромных
бирках которых значились совершенно нескром-
ные имена дизайнеров, и задался целью пере-
пробовать все кухни мира, включая экзотические.
И видимо, считал, что я тоже разделяю его
«хобби».

Однажды, еще в самом начале нашего знаком-
ства, из желания произвести на меня впечатле-
ние Леонид отвез меня в некий ресторан, где с
заговорщицким видом заказал одно из самых до-

рогих фирменных блюд. Что это было, я так и не поняла. Но до сих пор с содроганием вспоминаю нечто, извивающееся на зеленом листке салата в моей тарелке.

— Лелик, если ты опять вздумаешь порадовать меня экзотикой, то лучше уж вези в «Макдоналдс». По крайней мере, гамбургеры не бегают. И уже не мяукают.

Леонид громко захохотал. Видимо, тоже вспомнил тот случай в ресторане и мой истощенный визг, под аккомпанемент которого «еда» благополучно покинула тарелку. Собственными, между прочим, ножками.

— В обычный ресторан отвезу, Мартышка! Не волнуйся.

— То-то же.

Перед нами упорно мельтешил изношенный «Фольксваген», и Леня раздражался: ему не нравилось то, что эта ржавая «жестянка», как он обозвал автомобиль, «путается под ногами».

— «Поцеловать» его слегка в зад, чтобы знал, — проворчал он и посигналил, требуя от того перестроиться в правый ряд и уступить дорогу.

— И ты же виноватым окажешься. Оставь его в покое.

— Не оставлю! Мы торопимся кормить тебя. Ты, когда голодная, злая.

Против того чтобы меня накормить, я не возражала. Лелик посигналил во второй раз, и «Фольксваген», уже почти докатив до пешеходного перехода, послушно вильнул в сторону, но

в то же мгновение истерично взвизгнул тормозами и резко затормозил прямо перед нами. И следом за этим так быстро, что я даже не успела вскрикнуть, последовал удар — звонкий и обещающий громкие разборки. Это Лелик, как и пожелал пару минут назад, «поцеловал»-таки «Фольксваген» в зад.

— Б...во! — не стесняясь моего присутствия, громко выругался Леонид, решительно распахнул дверь и вылез из салона разбираться.

Я помедлила и тоже вышла из машины: испугалась, что Лелик разнесет водителя «Фольксвагена» в пух и прах. Может, мое присутствие не даст ему особо разойтись? Но, оказавшись на проезжей части, я застала совершенно неожиданную для меня картину: перед «Фольксвагеном», у которого было разбито лобовое стекло, лежал человек, а оба водителя, Лелик и хозяин легковушки, растерянно над ним замерли.

— Дела-а, — забыв о разборках, удивленно присвистнул Леонид и беспомощно оглянулся на меня.

Я отпихнула обоих мужчин и присела над сбитым пешеходом.

— Жив хоть? — Водитель «Фольксвагена» опустился рядом со мной.

Голос у него оказался несчастный, нервный, готовый вот-вот сорваться на истеричный визг. Видимо, его воображение уже ясно рисовало картину наказания, которое он понесет за сбитого пешехода.

— Не знаю, — покачала я головой и боязливо тронула пострадавшего за плечо.

Тот никак не отреагировал.

— Да что ты стоишь?! — оглянулась я на все так же растерянно почесывающего затылок Лелика. — Аптечку тащи! «Скорую» вызови! Гаишников!

Наверное, в другой ситуации — обычной, мой командный голос, которым я отдавала указания, удивил бы и Леню, и меня, но сейчас мы с ним словно поменялись ролями: он так некстати растерялся, во мне же проснулись способности командира. Лелик, не перечая, послушно потрусил к «монстру».

— Откуда он только взялся?.. Дорога была свободная... Выскочил, я даже затормозить не успел... Жив хоть? Вот беда-то... А я уже почти к дому подъехал... И надо же.... — по-бабьи причитал водитель «Фольксвагена», в то время как я осторожно осматривала пострадавшего.

— Жив, — с облегчением выдохнула я, когда парень застонал.

Но действительность тут же лопнула, словно продырявленный шарик, стоило мне внимательней всмотреться в его залитое кровью лицо.

— Господи... Ты же ведь...

Я закрыла ладонью рот, испугавшись, что закричу. Резкая перемена в моем поведении оказалась слишком заметной, и кто-то рядом, но будто издалека тревожно спросил:

— Девушка, вам нехорошо?..

— Саш, ты чего?

И без того несчастный водитель «Фольксвагена», и Лелик с аптечкой в руках испуганно смотрели уже не на сбитого пешехода, а на меня.

Я медленно приходила в себя.

— В порядке...

Губы онемели и стали чужими.

В порядке, если не считать того шока, который я испытала, узнав в этом парне любимого мной человека. Тима. Погибшего четыре года назад.

— Саш, отойди, — Лелик, обняв меня за плечи, заставил подняться на ноги. И легонько оттеснил в сторону. — Зрелище не для слабонервных. Ты вон побледнела как.

У меня не хватило сил возмутиться. Очутившись за спинами мужчин, я в немом оцепении смотрела, как они вдвоем пытаются оказать сильную помощь: Лелик куда-то названивал по мобильному телефону, второй водитель дрожащими руками копался в аптечке в поисках бинта.

— Саш, как ты там? — бросил на меня через плечо встревоженный взгляд Леонид.

— Нормально. Помощь нужна?

— Нет. Сейчас «Скорая» подъедет.

— Хорошо, — пространно ответила я и отошла к «монстру», уткнувшемуся тупым носом в зад «Фольксвагена».

Я не знала, куда себя девать, куда пойти и что сделать, лишь бы больше не стоять за спинами Лелика и водителя «Фольксвагена» и не нахо-

дить сходство в чертах лица этого парня и того, другого...

Наши аварийные машины создали «пробку», и вокруг стали собираться люди — пешеходы, водители останавливающихся машин. Зеваки. Любопытные, раздражающие мельтешением, ненужной суетой и бесполезными советами.

Опершись на приоткрытую дверцу джипа, я отстраненно смотрела на происходящее, тщетно стараясь отогнать неясные, как размытый волной след на песке, воспоминания о том, что случилось четыре года назад. Время, как морская вода, сгладило их, лишив острых углов — подробностей.

Впрочем, подробности я не могла помнить, потому что пережила их не видя, уйдя на какой-то период в чернильную темноту беспомыслия. И поэтому то, что произошло *тогда*, мне, скорее всего, не вспоминалось, а представлялось. Наверное, тоже, как и сейчас, собралась толпа бесполезных зевак и кто-то, как Лелик и водитель «Фольксвагена», суетился, неумело пытаясь помочь...

Очнувшись от мыслей я лишь тогда, когда носилки с пострадавшим уже занесли в «Скорую». И, поддавшись непонятному порыву, рванулась к машине.

— Куда?! — опешил от такой наглости борода-

тый врач, собиравшийся захлопнуть дверцы за носилками.

— Пожалуйста... — срывающимся голосом попросила я и умоляюще посмотрела на доктора. Безумный порыв. Безумный.

— Ладно, садись, — сдался со вздохом бородач и помог мне забраться в пахнущее лекарствами нутро машины.

— Саш, ты куда?! — услышала я где-то за спиной изумленный крик Лелика, но даже не оглянулась.

По дороге в больницу мне не удалось рассмотреть сбитого машиной молодого человека. Медики закрывали его от меня, и я, не имея возможности видеть его лицо, разглядывала безвольно свесившуюся с носилок левую руку — полусогнутые пальцы, свежие ссадины на костяшках, выпирающие вены, маленькую родинку возле косточки. Воображение затеяло со мной жестокую игру, и мне, купившейся на его обман, казалось, что это рука Тима.

* * *

...В тот пряный, пахнущий медом и яблоками августовский день шесть лет назад я сидела на лавочке, испещренной надписями вроде «здесь был Вован», в сквере отвергшего меня университета и пыталась справиться с первым в жизни серьезным щелчком по носу. Жизнь казалась бессмысленной, пресной и тоскливо-безвкусной,

как серое выходное платье моей деревенской тетки Нюры.

Конечно, все было не так ужасно, как мне думалось, я просто не нашла себя в списках поступивших на манящий формалиновым запахом препаратов и звенящий тонким стеклом пробирок и колб биохимический факультет областного педвуза. Но в тот момент такой провал казался чуть ли не концом света.

Мне было 20 лет, я носила толстую, с руку толщиной, косу до пояса и еще не красила свои натурально-золотые волосы в различные оттенки рыжего. Была немного упитанней, чем сейчас, с мягкими ямочками на щеках-яблоках и почти не нуждалась в косметике, поскольку являлась счастливой обладательницей здорового румянца. В одежде предпочитала удобство и комфорт, но иногда позволяла себе туфли на невысоком каблучке и прилегающие платья. Много читала, в основном переводную литературу. Не питала романтических, свойственных барышням моего возраста иллюзий и была такой же дерзкой на язык, как и сейчас.

Тем летом я окончила педагогическое училище с красным дипломом. И, решив не останавливаться на достигнутом, подала документы в областную педвуз. Но провалилась.

Отличница-медалистка и одна из лучших студенток в училище, я никак не могла взять в толк, где же так оплошала на вступительных экзаменах. Обиды не чувствовала, скорее безмерное

удивление: учеба всегда была тем, что давалось мне легко.

И вот, сидя в сквере на лавочке, я пыталась придумать, что мне делать дальше. Вернуться в скучный провинциальный городишко, откуда я была родом, и устроиться воспитательницей в детский сад? Или остаться в этом городе, в который я приехала поступать в единственный на всю область педагогический университет, найти какую-нибудь работу вроде официантки в баре, а по вечерам ходить на подготовительные курсы, чтобы на следующий год вновь подать документы?

Так ничего и не придумав, я собралась было подняться и уйти, но меня остановил незнакомый голос:

— Привет! Если я присяду, не помешаю?

Вопрос был задан не с полагающейся ему просительной интонацией, а с утверждающей, будто его хозяин и мысли не мог допустить, что его общество может кому-то помешать. Впрочем, веселый, несерьезный и летне-беззаботный тон начисто лишал вопрос отталкивающей самоуверенности. Я с любопытством оглянулась и увидела высокого молодого человека в синих джинсах и клетчатой красно-белой рубашке с закатанными до локтей рукавами. В руках парень держал бутылку с газированной водой и булку.

— Не мешаете, — вежливо ответила я и подвинулась, но при этом понадеялась на то, что незнакомец не привяжется с разговором.

Не то чтобы мне не хотелось разговаривать,

просто в молодом человеке я интуитивно угадала студента отвергнувшего меня вуза. И если парень заговорит о студенческой жизни, мне такой разговор в свете моего провала приятным не будет.

К сожалению, молодой человек, похоже, относился к общительным. Нет, он не пристал с банальным вопросом: «Девушка, а как вас зовут?» Он неожиданно протянул мне булку в прозрачной обертке и спросил:

– Хочешь?

Я испуганно покосилась вначале на гостинец, потом – на улыбающегося незнакомца. Булкой на улице меня угощали впервые.

– Бери, не бойся, – засмеялся он. Видимо, выражение лица у меня и в самом деле было испуганным.

– Я похожа на жертву Бухенвальда, раз вызываю у незнакомцев желание накормить меня? – без улыбки осведомилась я.

– Нет, хоть ты и стройная, на жертву Бухенвальда вовсе не тянешь. У тебя лицо грустное, и мне захотелось поднять тебе настроение. В кондитерской на углу выпечка самая вкусная в городе. Попробуй!

– Спасибо.

Я взяла из рук молодого человека еще теплую, видимо, только-только испеченную булку и, разломив ее, половину протянула обратно:

– Вот, это – ваше.

Какое-то время мы жевали молча. Булка и в са-

мом деле оказалась очень вкусной, я проглотила свою половину и даже не заметила как.

Парень не приставал ко мне с расспросами. Он словно забыл обо мне, витая в своих мыслях и машинально отпивая воду из бутылки. И моих коротких взглядов, которые я украдкой бросала на него, не замечал.

Красивым он мне не показался, скорее наоборот. Во-первых, потому что брюнеты никогда не были в моем вкусе. Во-вторых, привлекательность профиля парня портил длинный, с небольшой горбинкой нос. В-третьих, носил незнакомец удлинённые волосы, которые небрежной волной падали ему на лицо. И пусть такая причёска шла ему и вкупе с двухдневной небритостью придавала богемный вид, мне не нравился подобный стиль. Я всегда была за короткие мужские стрижки и гладко выбритые подбородки.

— Не поступила? — вдруг развернулся он ко мне.

Вопрос застал меня врасплох, и я от неожиданности кивнула.

— Не нашла себя в списках, значит, не поступила, — зачем-то добавила после короткой паузы.

— Не конец света, — уверенно сказал молодой человек.

Я могла бы возмутиться, грубо спросить: «А твое какое дело?», усмехнуться или еще как-то проявить негативное отношение к подобным утешениям. Но промолчала, потому что слова парня, удивительно, нисколько не задели меня. Наоборот, мне в тот момент, как оказалось, не хватало